

Дэн Паллотта,
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ
ФАНДРАЙЗЕР (США)

Апартейд для НКО — навсегда?

Почему благотворительные организации не меняют мир

Недавнее выступление Дэна Паллотты на научно-популярной конференции TED в Калифорнии, США, собрало в интернете более двух миллионов просмотров. Оказалось, что еще никто до него в Америке так не ставил вопрос о цене благотворительных сборов. В США общепринятой мерой оценки НКО жертвователями является доля накладных расходов, которые не достаются благополучателю. Господин Паллотта призывает изменить эту систему оценки, так как именно расходы позволяют благотворительным фондам привлекать больше сторонников и расширять масштабы деятельности.

Дэн Паллотта создал индустрию многодневных мероприятий ради сбора средств для фондов, борющихся с раком груди и СПИДом. За девять лет его компания на эти цели собрала \$582 млн. Однако 47,5% сборов ушло на продвижение информации о мероприятиях в СМИ, на менеджмент и сервис для благотворителей. В США, в отличие от РФ, нет закона, регулирующего расходы благотворительного фонда на свои нужды. У нас закон позволяет фондам до 20% сборов тратить на административно-управленческие нужды, при этом реальные затраты фондов могут и превышать эту норму. В США Паллотту осудило общественное мнение — СМИ обвинили его компанию в чрезмерных тратах, и фонды отказались от сотрудничества с ним. 388 его сотрудников по всей стране были уволены.

Многие считают, что коммерческий сектор поднимет экономики развивающихся стран, а об остальном позаботится социальный бизнес. Я верю, что коммерческий сектор станет двигателем прогресса для большей части населения Земли. Но коммерческий сектор всегда обходит стороной десять процентов наиболее нуждающихся, несчастных людей мира. Я вхожу в совет директоров Центра для умственно отсталых людей и знаю: им нужен смех, сострадание и любовь. Как измерить это в деньгах? Именно здесь подключаются НКО и благотворительность.

Благотворительность — это рынок, где основным товаром является любовь. Но, похоже, этот сектор не справляется с проблемами. Почему организации по борьбе с раком груди не приблизились к открытию лекарства от рака? Почему организации помощи бездомным не приблизились к искоренению бесприютности ни в одном из больших городов США? Почему процент бедноты застрял на уровне 12% населения страны и не уменьшается в течение последних 40 лет? Ответ в том, что социальные проблемы огромны, а благотворительные организации в сравнении с ними крошечные и существующая система убеждений в нашем обществе — это то, что сдерживает рост НКО.

Наше общество одобряет две схемы развития — одну для некоммерческого сектора, а другую — для всего остального экономического активного мира. Это апартейд, дискриминация некоммерческого сектора. НКО не вправе использовать деньги, чтобы переманивать таланты из коммерции; НКО не вправе использовать рекламу в коммерческих масштабах; НКО не вправе рисковать в погоне за новыми донорами так, как это приемлемо для бизнеса.

Нам нужно инвестировать в сбор денег больше, а не меньше, так как наши акции — это то, что приумножает средства для благого дела. Мы начали кампанию по борьбе с раком груди с \$350 тыс. в кармане. За пять лет мы приумножили эту сумму в 554 раза — до \$194 млн. Если бы вы были филантропом, интересующимся борьбой с раком, то что вы бы предложили: немедленно вручить \$350 тыс. самому эффективному исследователю в мире — или отдать эти деньги его фандрайзеру, чтобы они увеличились до \$194 млн?

Но мы ушли внезапно и болезненно. Мы подверглись жесткой критике в СМИ за инвестирование выручки в развитие. И не было другого термина для описания этого типа инвестиций в будущее компании, кроме дьявольского ярлыка «накладные расходы».

Мы изменяем мир, отчасти благодаря изменению наших представлений о филантропии. В следующий раз, когда вы столкнетесь с благотворительным фондом, не спрашивайте об уровне его накладных расходов. Спросите, насколько велика его мечта о росте: масштабов Apple и Google или она? Спросите, насколько он близок к этой мечте и какие ресурсы нужны, чтобы ее осуществить, невзирая на накладные расходы? Если мы окажемся способны на такую щедрость мысли, НКО сыграют важную роль в изменении мира ради тех, кто больше других нуждается в переменах.

прямая речь

Нравственно ли привносить расходы коммерческого сектора к расходам коммерческого?

Стивен Пиджен, член попечительского совета Института фандрайзинга (Лондон, Великобритания): — Да, это корректно. Сотрудникам благотворительной НКО надо платить хорошо. Не как нефтяникам, но хорошо. Проблема вот в чем: когда вы покупаете бензин, то знаете, за что платите, а когда жертвуете в фонд, то ни-

чего не покупаете. Люди считают, будто фонд должен работать бесплатно, и я пробую переубедить их. Но я не отдаю деньги в НКО, которая хороша как бизнес. Я лучше пожертвую фонду, который максимально урезает свои расходы. Видите, и мое мнение противоречиво.

Владимир Волошин, менеджер по маркетингу компании William Grant & Sons Distillers Ltd: — Конечно, нравственно. Благотворительная НКО существует как структура, и методы достижения высокой эффективности у нее практически те же, что и на любом производстве. Хорошие результаты появляются тогда, когда люди отдадут делу все свое время, когда они инициативны и предпримчивы — и получают за это деньги. Деньги нужны, чтобы выстроить саму организацию, наладить обратную связь. Очень важно, чтобы эти расходы были прозрачны — только

Ощущение света

Трехлетнего Артема Егорова спасет операция в Германии

Жизнь у Артема пока маленькая, но трудная. Была у него сестренка-близнец, но она погибла еще при родах. В числе первых слов, какие услышал Артем в этой жизни, были такие: «тетрада Фалло». Их произнес доктор-кардиолог. Артем этих слов, конечно, не понял, да и родители не поняли бы, но им объяснили: это порок сердца. Его еще называют «синим» пороком, потому что венозная и артериальная кровь смешиваются, и ребенок чувствует, что синее. Обязательно нужна операция, без нее самое большее, сколько может прожить ребенок, — 14 лет.

Доктор-кардиолог, приглашенный из знаменитого сердечного центра, сказал, что операция понадобится примерно через год. Но Артему она понадобилась раньше. Его уже на шестой день жизни уложили в больницу, а на одиннадцатый он перестал дышать, и его перевезли в другую больницу, где ему помогал дышать специальный аппарат. А потом вместе с аппаратом перевезли в знаменитый сердечный центр, где как раз и работает тот доктор-кардиолог. Операцию Артему сделали.

Хорошо, что родители и Артем живут в Подмоскowie, а родила Алена (его мама) в Москве, и из больницы в больницу, и в кардиологический центр их тоже перевезли в Москве, где, как вы понимаете, есть куда перевозить. А случись такое, например, в чувашской глубинке, откуда родом и мать, и отец Артема...

Алена говорит, что после этой операции, самостоятельно задышав и отлежав еще месяц в больнице, Артем начал стремительно догонять сверстников в развитии. Но Алена знала, что первая операция была только паллиативной, то есть лишь облегчающей Артему жизнь. А вот вторая... А вот вторая началась как спасительная, а закончилась почти как губительная.

Артем сейчас в Чувашии, в деревне у бабушки. Алена говорит, ему там хорошо. Простор, чистый воздух, много света, синее небо. Свет — да, Артем видит свет. Даже в том глазу, который у него уже почти незрячий, осталось, как говорят врачи, светоощущение. То же ждет и второй глаз, который пока еще видит. А что касается синего неба — вот ведь судьба: ни в чем не повинный синий цвет стал для Артема роковым. Помните — сначала «синий» порок, а теперь... То, что случилось после второй операции, называется инфицирование синегнойной палочкой. Второй операцией хирурги отчасти исправили порок, реконструировали пути кровотока. Но после операции из-за трудностей с запуском сердца Артем попал в реанимацию. Там его организм и был инфицирован этой синегнойной палочкой. Для такой инфекции характерно как раз заражение в больничной обстановке. А опасна она своей устойчивостью ко многим антибиотикам. И Артема, чтобы спасти, лечили очень сильными препаратами. А они, в свою очередь, вот так ужасно сказались на его зрении.

Во время второй операции хирурги отчасти исправили порок. После операции Артем попал в реанимацию. И был инфицирован синегнойной палочкой. Для нее характерно как раз заражение в больнице

Была одна беда, стало две беды, одна другой горше. Что делать с глазами, пока непонятно. Врачи говорят о возможной пересадке роговицы. Это не из области фантастики, такие операции делают. Но в МНТК «Микрохирургия глаза», где они при Святославе Федорове, а потом и при Христо Тахчиди были уже практически на потоке, теперь огромная очередь, потому что фактически бездействует так называемый глазной банк, банк донорских органов.

Впрочем, до глаз дело еще не дошло. Пока надо до конца разобраться с «синим» пороком. Ведь и вторая операция не решила всех проблем, а некоторые, считает Алена, даже усугубила. Артем слеп. Он уже полгода не прибавляет в весе. Снова появилась слепотность, которая было ушла после первой операции. Даже небольшие нагрузки вызы-

вают одышку. Теперь нужна радикальная коррекция порока, но в знаменитом сердечном центре родителям сказали, что в случае с Артемом это операция высокого риска. Отказа не дали, но устно, негромко, по-доброму посоветовали оперировать сына за границей.

Де именно, не уточнили. Алене пришлось засесть за компьютер. На известном форуме «Кардиомама» она прочитала отзывы о разных клиниках и выбрала для Артема немецкий кардиологический центр в Берлине. Там ей назвали сумму, но она даже не успела испугаться, потому что там тут же посоветовали обратиться в Русфонд за помощью. А как без помощи? Они с мужем не бедствуют, но для оплаты операции им нужно откладывать всю свою зарплату два с половиной года. А за снятую квартиру платить? А за все остальное — ведь жить-то надо?!

Жить надо. И мы все, конечно, поможем Артему жить. Сначала поможем наладить сердце, а там, если все пойдет хорошо, постараемся помочь и с лечением глаз. Ведь светоощущение у него остается, а это главное — ощущение света.

Виктор Костоковский

КАК ПОМОЧЬ ДЛ Я СПАСЕНИЯ АРТЕМА ЕГОРОВА НЕ ХВАТАЕТ 998 964 РУБ.

Рассказывает кардиолог Немецкого кардиологического центра Станислав Овруцкий (Берлин, Германия): «Артем страдает от тяжелого врожденного порока сердца, который требует хирургического лечения. В России уже были сделаны две операции. Сейчас у мальчика выраженные одышка и синюшность, он плохо переносит физическую нагрузку. Мы обследуем Артема и определим дальнейшую тактику лечения, в рамках которого предполагается закрытие дефекта межжелудочковой перегородки, замена легочного клапана протезом.

Если левый желудочек соответствует норме, завершим двухжелудочковую коррекцию. Надеюсь, сердце Артема будет работать как сердце обычного человека и он быстро догонит в развитии сверстников».

Клиника выставила счет за лечение Артема на 1 748 964 руб. Наш партнер ОАО АКБ «Международный финансовый клуб» перечислит 600 тыс. руб. Еще 150 тыс. руб. внесет одна московская компания. То есть не хватает 998 964 руб.

Дорогие друзья! Если вы решите спасти Артема Егорова, пусть вас не смущает цена

спасения. Любое ваше пожертвование будет с благодарностью принято. Деньги можно перечислить в Русфонд или на банковский счет папы Артема — Николая Вениаминовича Егорова. Все необходимые реквизиты есть в Русфонде. Можно воспользоваться и нашей системой электронных платежей, сделав пожертвование с кредитной карточкой или электронной наличностью, в том числе и из-за рубежа (подробности на rusfond.ru).

Экспертная группа Русфонда

ИЗ ЖИЗНИ НЕЗАМЕНИМЫХ

Как скрыть ценность подарка

Писатель ИГОРЬ СВИНАРЕНКО утверждает, что надо помогать людям, делая вид, что ничего не случилось. Читайте на rusfond.ru.

Новосибирск ждет Тимофея Сибирякова в сентябре

23 августа мы рассказали историю пятилетнего Тимофея Сибирякова из Тюменской области («Совершенные люди», Валерий Панюшкин). У мальчика врожденное искривление позвоночника. Необходимо имплантация двух металлоконструкций. Ради сообщить: все деньги (892 470 руб.) собраны.

Всего с 23 августа 557 025 зрителей проекта «Русфонд на Первом», читателей «Б» и rusfond.ru исчерпывающе помогли (40 611 831 руб.) 61 тяжело больному ребенку. Спасибо, дорогие друзья!

все ответы rusfond.ru/speak

полный отчет rusfond.ru/sdelano

Из свежей почты

Настя Коряжкина, 4 года, детский церебральный паралич, эпилепсия, требуется курсовое лечение. 196 600 руб.

Моя семья преследуют несчастья. Старшая дочь Алина в пять лет получила сильнейшие ожоги, врачи боролись за ее жизнь. Все деньги и силы шли на лечение Алины. Я забеременела — и тут кризис. Мы потеряли все, муж лишился работы, а мне на сроке 28 недель сделали экстренное кесарево. Настя родилась весом 1,3 кг. Выжила вопреки прогнозам. Диагноз ДЦП поставили в два года. Лечение было неэффективным, мы искали новые методы. Два года назад мужа сбила машина. Операция, реабилитация... Все деньги — на лечение. Настя поемному ходит, четко говорит. Интеллект сохранный, а память слабая. Лекарства дали осложнение на почки и печень. Полгода назад мы развелись. Я с дочками живу в вагончике-трейлере. Не помню, когда себе одежду покупала. Помогите Насте пройти лечение в Институте медтехнологий (ИМТ)! Алеся Коряжкина, Калининградская область.

Невролог ИМТ Елена Малахова (Москва): «Надо срочно начинать терапию, чтобы снизить мышечный тонус и улучшить двигательную активность Насти, сделать ее обучаемой».

Алеша Есипович, 6 лет, сахарный диабет 1-го типа, спасут инсулиновая помпа и расходные материалы. 199 676 руб.

В год Алеша стал плохо себя чувствовать, пил много воды, появилась одышка. В тяжелом состоянии попал в больницу и несколько дней лежал под капельницей. Оказалось, у сына сахарный диабет. Чтобы не пропустить скачков сахара, измеряем его 12 раз в сутки, делаем не меньше шести уколов. И ночью бужу Алешу, чтобы измерить глюкозу и ввести инсулин, если сахар высокий, или дать поесть, если низкий. Наши старания не обеспечили компенсации диабета. Начались изменения в почках. Надежда на инсулиновую помпу. Приобрести ее не можем. Муж водитель, я няня в детском саду. Помогите, пожалуйста! Оксана Есипович, Архангельская область.

Заведующая детской городской поликлиники Татьяна Дзекунова (Новодвинск): «Течение диабета нестабильное. Для профилактики осложнений Алеше необходима помпа инсулинотерапия».

Вероника Измайлова, 4 месяца, врожденная правосторонняя косолапость, требуется лечение по методу Понсети. 80 тыс. руб.

Внимание! Цена лечения 120 тыс. руб. Группа строительных компаний ВИС внесет 40 тыс. руб. Не хватает 80 тыс. руб.

В семье работаю я один, водителем. Зарплата редко превышает 12 тыс. руб. Старшей дочке третий год. Живем в двухкомнатной «хрущевке» с моей бабушкой 80 лет. Новорожденной Веронике поставили диагноз «дисплазия, косолапость правой ножки, подвывих левого тазобедренного сустава». Жена пять раз делала УЗИ, а про патологию узнала после родов. Ортопед назначил наложение лангеты, но это не исправляет ножку. Гипсовали неудачно. Мы ездили в ярославскую клинику, где освоено лечение косолапости по методу Понсети, и нам предложили приступить к нему, не теряя времени. Прошу вашей помощи в оплате, одному не справиться. Александр Измайлов, Нижегородская область.

Заместитель главного врача больницы имени Н.В. Соловьева Юрий Филимендиков (Ярославль): «Если лечение Вероники по методу Понсети начнем немедленно и будут соблюдены все рекомендации врача, рецидива не будет».

Женя Размылова, полгода, врожденный порок сердца, спасет эндоскопическая операция. 153 744 руб.

Внимание! Полная цена операции 186 700 руб. «Русский дар жизни» (США) внес 32 956 руб. Не хватает 153 744 руб.

У нас трое детей, дочь и сын школьники, здоровы. А у маленького Жени порок сердца, широкий открытый артериальный проток. В роддоме предупредили: сердечко «шумит». На обследование мы поехали через четыре месяца, ведь от села до райцентра вертолетом, оттуда до Томска автобусом. Я боялась не довезти малышку. Кардиологи сказали, что оперировать Женю надо в ближайшие недели, иначе порок станет неоперабельным из-за быстрого развития легочной гипертензии. Советуют щадящую операцию. Денег на нее нам не заработать и за годы. Муж водитель (11 тыс. руб.), я в декрете. Живем в деревянном доме с печкой, сажаем огород. Любовь Размылова, Томская область.

Старший научный сотрудник Томского НИИ кардиологии СО РАН Евгений Кривошеков: «Учитывая топологию порока сердца и наличие признаков легочной гипертензии, Женю показано эндоскопическое закрытие протока».

Реквизиты для помощи есть в фонде. Возможны электронные пожертвования (подробности на rusfond.ru).

Почта за неделю 23.08.13—29.08.13

ПОЛУЧЕНО ПРОСЬБЫ — 22
ПРИНЯТО В РАБОТУ — 21
ОТПРАВЛЕНО В МИНЗДРАВ РФ — 1
ПОЛУЧЕНО ОТВЕТОВ ИЗ МИНЗДРАВА РФ — 5

все сюжеты rusfond.ru/pomogite; rusfond.ru/minzdrav

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РУСФОНДА

Русфонд (Российский фонд помощи) создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Б». Проверив письма, мы размещаем их в «Б», на сайтах rusfond.ru, livejournal.com, «Эхо Москвы», Здоровье@mail.ru, в эфире «Первого канала», а также в 18 печатных, телевизионных и интернет-СМИ в различных регионах РФ. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты фонда и дальше действуете сами либо отправляете пожертвования через систему электронных платежей. Возможны переводы с кредитных карт, электронной наличностью и SMS-сообщением, в том числе из-за рубежа (подробности на rusfond.ru). Мы просто помогаем вам помогать. Читателям и зрителям затея понравилась: всего собрано свыше \$120,7 млн. В 2013 году (на 29 августа) собрано 865 634 142 руб., помощь получили 1000 детей. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252, г. Москва, а/я 50; rusfond.ru; e-mail: rusfond@kommersant.ru. Телефоны: 8-800-250-75-25 (звонок по России бесплатный, благотворительная линия от МТС), факс (495) 926-35-63 с 10:00 до 20:00.